

— Если бы вы только знали, товарищ Зудин, — и слюни и слёзы, все вместе, текут у Елены на грудь. — Если б только вы знали всю жизнь балерины, когда ей с пятнадцати лет... уже приходится... да, да, приходится! — этой традиции держится прочно балет, — ей приходится... продавать своё тело грязным вспотевшим мужчинам!.. Милый Зудин!.. Зудин, товарищ!.. Нет, вы б не кинули мне в лицо комок грязи... Липкая жизнь... липкая жизнь... нас залапала грязью, зловонной, вонючей, и нет нам спасенья, погибшим и гадким!.. Если б... если б дали мне возможность заработать... кусочек, честный кусочек... разве б я стала?!.. Ах, что говорить вам!.. Ведь вы не знаете бездны, всей бездны паденья!! Ведь меня вызвал к себе Гитанов, чтоб свести вот с этим, как его? — Финиковым!.. Он сказал: будут деньги... хорошие деньги!.. А ведь я голодала! Да!.. Голодала!.. Продала гардероб!.. Вот осталось: манто, муфта, три платья... Милый... родной мой, товва-а-рищ Зудин!.. Ведь и я была гимназисткой... пять классов!.. Немножечко жизни... Не рабства, а жизни... Честной жизни... кусочка... прошу... я у вас!.. Я согласна, я жажду работать!.. Разве б я стала себя продавать?! Проституточка! — вот мне оценка!..

С клокочущим всхлипом, вся намокшая горем, бессильно сползла Елена прямо на пол. Шарф упал. Валялось и манто. Кудряшки развились и прилипли к вискам. И только яркость каштановых прядей и розовость пухлого ушка кричали в серое далёкое безучастное небо, туда, за прозрачные окна этого синючего готического кабинета, что здесь плачет женщина и что она глубоко несчастна.

И так неожиданно жалкая ручонка Елены ощутила твёрдое пожатье.

— Полно, товарищ Вальц, встаньте, оправьтесь и успокойтесь!

Это говорил Зудин. И как жадно-жадно хотелось ей слушать его милый голос.

— Наша борьба в конечном счёте и есть ведь борьба за счастье всех обездоленных капиталистическим рабством, а значит — за счастье таких, как и вы... Поднимитесь и успокойтесь. А если хотите, так вот, приходите сюда... хотя б послезавтра... в час дня. Я вам помогу как товарищу... Ну а пока оправьтесь, оденьтесь и идите — вы свободны.

Зудин нажал кнопку стола, и за дверью раздался громкий, трескучий звонок.